

Если князь Цзинь согласится предоставить людей, то генерал Цзи, командующий пограничной армией и имеющий его печать, не сможет отказать. Осталось лишь дать ему достойный повод для уступки. Ли Удуань, уверенный в себе, привел себя в порядок и с ясной головой отправился на переговоры с князем.

Тем временем в Верхней столице Цинь Цзюнь по-прежнему недомогала. Лекарства были выпиты, сон продлился долго, но усталость и апатия не отпускали. После двух дней болезни она покинула Двор Бамбука и вернулась во дворец.

Придворный лекарь лишь сказал, что Цинь Цзюнь еще молода, чрезмерные переживания истощили её дух, отчего и наступили слабость и упадок сил.

Скрыть это от Цинь Бяня не удалось. Тот пришёл в ярость, запретил Цинь Цзюнь вмешиваться в дело о разбойниках и отозвал направленных к ней с донесениями курьеров, повелев ей оставаться в резиденции принцессы и отдыхать.

У ворот дворца, у подножия стены, сошлись две тени.

Дядюшка Ван безнадежно качнул головой:

— Слепой лекарь появляется и исчезает словно призрак. В старину я оказал ему услугу чашкой воды, и теперь он спас девушку тремя рецептами. Долг погашен, и найти его вновь — задача почти невозможная.

Цзи Сы холодно усмехнулась, будто с трудом сдерживая гнев, и резко обернулась:

— Проваливай.

Дядюшка Ван, подумав, произнёс:

— Девушка, ныне ты привязалась к принцессе. Неужто забыла о нашем старом уговоре?

Цзи Сы повернула голову, и взгляд её стал ледяным.

— Ты хочешь, чтобы я нашла человека в зелёных сапогах с белым нефритом, имея лишь один ботинок? И всего за три месяца ты уже мечтаешь о мести?

— Не смею торопить. Врага своего я ищу десятилетиями, как могу спешить за несколько месяцев? Просто страшусь, что ты сама позабыла, чего желаешь, — ответил Дядюшка Ван.

— Я никогда не забывала о своём происхождении, — холодно бросила Цзи Сы, положив руку на пояс, откуда веяло явной угрозой. — Не лезь не в своё дело. А теперь — исчезни.

Дядюшка Ван поклонился:

— Я вернусь, как только будут вести о лекаре.

— Докладывай незамедлительно, — коротко отрезала Цзи Сы.

Тот удалился, а она, повернувшись, принялась теревить в пальцах нефритовую подвеску с Золотым Вороном. Вдалеке показалась карета. Министр военных дел в парадном облачении поспешно выскочил из неё, предъявил у ворот печать и, зажав под мышкой деревянный ларец, стремительно скрылся за дворцовыми воротами.

Увидев это, Цзи Сы вернулась в резиденцию принцессы через боковые ворота.

Шёл конец февраля, но в Верхней столице по-прежнему не веяло теплом. Цинь Цзюнь, укутавшись в толстую шубу, лениво возлежала в плетёном кресле, прижимая к рукам грелку. Она только что проводила Драгоценную наложницу Цзи, навестившую её.

— А где она? — лениво поинтересовалась Цинь Цзюнь.

Цзиньсю, поднося ей ложку с лекарством, ответила:

— Не знаю.

Цинь Цзюнь скривилась, с трудом глотая горькое снадобье:

— Как это не знаешь? Ты же в курсе, что у неё сегодня приступ. Как могла допустить, чтобы она шаталась где попало?

Сяо Таоцзы, подбрасывавшая уголь в печь, вступилась за Цзиньсю:

— Ещё бы! Да кто её, госпожу Пинь, удержит? С утра принялась — все пионы да падубы в том саду обкорнала, потом искусственную гору вдребезги изрубила. Целый сад погубила. Схватила меч — да в главный зал метить! Эти цветы-деревья разве не дороже иного человека выходят? Да где ж им такое вынести?

Цинь Цзюнь, с засахаренным фруктом за щекой, пробормотала:

— Разумеется, человеческая жизнь дороже.

Сяо Таоцзы тут же надула губки:

— Пионы, что госпожа Пинь обкорнала, стоили сотни лян серебра! Принцесса из своей казны деньги взяла, чтобы долги наследника покрыть, а теперь, поди, самое ценное во всём чертоге — эти самые цветы да деревья!

Цзиньсю нахмурилась:

— Сяо Тао.

Та тотчас покраснела глазами:

— Что? Принцесса мне счётность вести доверила, веду, а тут — раз! — половина денег как не бывало. И пожалеть-то нельзя? Ладно! Не мои это деньги, приданое принцессы! Пропадают — так пропадают, не мне судить! Нагрубила я — сама за планкой для рук пойду!

Цинь Цзюнь потерла нос, сознавая: сокровища в казне шестая принцесса четырнадцать лет копила. Сумма вроде и немалая, но если на годы поделить — не такая уж и огромная. А тут разом половина убыла — конечно, сердце ноет.

— Планку отменяю, — остановила её Цинь Цзюнь. — Жаль мне мою Сяо Таоцзы наказывать. Знаю, заботишься. Пусть твоим наказанием будет полы мыть.

Сяо Таоцзы, утирая слёзы, хныкала:

— Слишком добра принцесса! Столько-то денег, у-у-у...

Цинь Цзюнь промолчала.

Иного выхода не было. Земли Цзинь от Верхней столицы на отшибе, чиновники на них особого внимания не обращают. Министерство финансов в военных расходах всегда скупится, а прочных связей у Ли Удуаня в столице нет. Кто ж лишние деньги даст?

И на фураж средства нужны, и на помощь пострадавшим от бедствий. Война — дело самое что ни на есть затратное.

— Ладно, — зевнула Цинь Цзюнь и протянула руки. — Спать хочу.

Не успела она договорить, как Цзиньсю отставила блюдечко с засахаренными фруктами, и в покои, окутанная свирепой аурой, вошла Цзи Сы.

Она подхватила Цинь Цзюнь на руки, отнесла в опочивальню на кровать и кратко приказала:

— Глаза закрывай. Спи.

Цинь Цзюнь...

Неужели приступы ещё и смелости прибавляют?

Тридцать вторая глава

Цзянчжоу

В феврале Цинь Цзюнь по-прежнему коротала дни в кабинете, упражняясь в каллиграфии и чтении. Она любила древние хроники и всяческую занимательную литературу, велела натаскать целую кучу книг, чтобы развеять скуку затворнической жизни, и целыми днями, свернувшись калачиком на низком лежаке у печки, перелистывала страницы.

Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием раскалённых углей. На соседнем табурете громоздилась стопка книг: «Четверокнижие» и «Пятикнижие», стихи и поэмы, «Искусство войны» Сунь У, трактаты о механизмах и стратегии — всё это было приготовлено для Цзи Сы.

Цинь Цзюнь, нахмурившись, перевернула страницу. На обложке значилось: «Мо-цзин».

Неведомо, каким образом книга, которую Цинь Цзюнь читала для развлечения, оказалась в руках у Цзи Сы.

Вошедшая сменить уголь Цзиньсю прервала её раздумья. Цзи Сы отложила занимательное чтение и спокойно поднялась:

— Пойду мечом помашу.

Цинь Цзюнь кивнула:

— Я посмотрю.

— Принцессе лучше на ветер не выходить, — возразила Цзиньсю.

Цинь Цзюнь наблюдала, как Цзи Сы и Цзиньсю вышли в двор для упражнений. Резиденция принцессы хоть и обширна, но всё же находится в пределах дворца — для воинских тренировок места маловато.

Дошли слухи, что с разбойниками в основном покончили. На всё про всё, если дорогу вычесть, ушло около полутора месяцев. Ли Удуань даже отыскал в юаньском разбойничьем логове карту — план оборонительных сооружений Цинь-Чжоу. Города Жумучи были ими изучены вдоль и поперёк.

Таким образом, доказательства того, что юаньские солдаты прикидывались бандитами, были налицо, и все связанные с этим дела перешли в ведение командующего пограничными войсками, генерала Цзи. Случай вызвал при дворе немалый переполох — все ругали юаньцев, что те стали такими продуманными.

После обнаружения похищенной карты в землях Цзинь усилили патрулирование. При дворе воцарилось напряжение — все страшились повторения событий шестилетней давности, когда юаньские войска прорвались через гору Хэншань.

Хэншань — ключевой рубеж на пути в глубь земель Цинь-Чжоу, связующее звено с землями Цзинь. Прямая дорога ведёт на Сайнань и Сайбэй, далее, миновав Юнъань, — в Цзяннань, а затем и в Центральную столицу. К северу же, за беспокойной рекой, лежит Верхняя столица.

Южные земли тучны и плодородны, народ живёт в достатке, но безопасность там под угрозой. Внутри границ государства слишком много укоренившихся знатных родов и удельных князей. За Хэншанем же, да и на западе, рыщут голодные волки: юаньцы, жуны-ди. Лишь Западный Цзян состоит с Цинь-Чжоу в союзе, остальные — норовят укусить. Верхняя столица, что притулилась у подножия горы Цзюнь, слишком долго почивала в безмятежности.

Цинь Цзюнь молча слушала, помогая Драгоценной наложнице Цзи с рукоделием.

— К слову, вчера княгиня Цзинь о тебе вспоминала. Я и сказала — нездорова ты, принимать гостей не можешь...

Взгляд Цинь Цзюнь задержался на вышивке.

— Княгиня Цзинь, должно быть, собирается отбыть?

Драгоценная наложница Цзи кивнула.

— Полагаю, да. Слышно, старый князь Цзинь сильно занедужил. После того как при поимке разбойников отыскалась карта, государь собирался вменить ему небрежность, но увы... недуг подлинный. Наказать — остудишь сердца южных князей.

— А не наказать — как тогда народу в глаза смотреть? — заметила Цинь Цзюнь.

Драгоценная наложница Цзи понизила голос:

— Ныне делами в землях Цзинь заправляет старший побочный сын князя Цзинь. Наказание, конечно, будет, но указ, поди, ещё в пути.

Под вечер Цинь Цзюнь вернулась в резиденцию и получила письмо от Ли Удуаня.

Расследование его принесло плоды. Он писал, что князь Цзинь и вправду болен, да уже больше

полугода. Вести об этом достигли Верхней столицы лишь после приезда сюда княгини Цзинь.

В княжеской резиденции же всюду бушуют страсти вокруг наследования титула. Все семейства внешне соблюдают приличия, но втайне грызутся меж собой. Когда Ли Удуань явился с визитом к князю Цзинь, его принял чиновник из свиты одного из побочных сыновей. Чиновник тот, получив кое-какие знаки внимания, за две трапезы выложил Ли Удуаню все внутренние дела резиденции.

<http://bllate.org/book/16274/1465272>